

Муретов М. Д. [Очерки из новейшей истории экзегеза и критики Нового Завета:] Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса»: (характеристика, изложение и критика) // Богословский вестник 1893. Т. 4. № 10. С. 80–110 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Эрнестъ Ренанъ и его „Жизнь Иисуса“.

Ш.

К р и т и к а.

(Продолженіе *).

II. Евангеліе. Исторією или романомъ считать Ренанову *Жизнь Иисуса*?

Отвѣчать на этотъ вопросъ не такъ легко, какъ это представлялось многимъ критикамъ Ренана. И это потому, что, во-первыхъ, требуется предварительно установить отчетливую грань между историческимъ романомъ и художественною исторією; а во-вторыхъ, безусловнаго и огульнаго отвѣта на вышеоставленный вопросъ дано быть не можетъ.

Какъ исторія, не ограничиваясь изданіемъ сырыхъ матеріаловъ въ буквѣ или въ переложеніи и отрывочными къ нимъ примѣчаніями, обязана въ концѣ концовъ стремиться къ наглядно-живому и органически-цѣлостному воссозданію былой дѣйствительности; такъ съ своей стороны и историческій романъ долженъ стоять на исторической почвѣ и изображать дѣйствительную жизнь данной эпохи. Но если тутъ необходимо различіе, то оно должно заключаться въ неодинаковомъ отношеніи къ историческимъ документамъ. Художникъ-романистъ переноситъ современность въ отжившую среду историческую; художникъ-историкъ, напротивъ, отжившую эпоху старается воззвать къ жизни и сдѣлать ее понятною современному человѣчеству, — оживляя, опъ какъ бы ставить ее на современную сцену. Романистъ сочиняетъ только *возможные типы* и соотвѣтствующіе

*) См. Б. В. Апрель.

возможные случаи, помѣщая ихъ на исторической сценѣ и развивая въ исторической обстановкѣ; историкъ, напротивъ, воспроизводитъ *дѣйствительныя лица и бывшя событія*, художественно рисуя для нихъ прошлую историческую среду и начертывая возможную обстановку. Романистъ въ прошлую историческую среду помѣщаетъ, собственно говоря, современное лицо, оживляющее эту среду, хотя и подъ историческимъ названіемъ и въ историческомъ костюмѣ; историкъ, напротивъ, пользуется уцѣлѣвшими историческими нитями, связующими прошлое съ настоящимъ, чтобы оживить и заставить снова дѣйствовать на исторической сценѣ тѣни историческихъ лицъ. Романистъ черпаетъ матеріаль собственно и главнѣйше изъ своего личнаго опыта, изъ своего воображенія и изъ данной дѣйствительности, облекая этотъ матеріаль въ одежду историческихъ лицъ и помѣщая ихъ въ историческую среду; историкъ, напротивъ, долженъ созерцать или прозрѣвать уже отжившую жизнь сквозь мертвый матеріаль лѣтописей, надписей, всевозможныхъ памятниковъ прошлой дѣйствительности. Отъ романиста требуется только художественный геній, опытъ современной жизни и общее знакомство съ исторіею; отъ историка кромѣ того — методъ, наука и научный геній. Между романистомъ и историческою эпохою нѣтъ раздѣляющей среды, такъ какъ въ прошломъ онъ видитъ настоящее; но между историкомъ и воспроизводимую имъ средою лежатъ груды мертвыхъ матеріаловъ на всехъ языкахъ и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ ¹⁾).

¹⁾ Нагляднымъ примѣромъ такого различія можетъ служить нашъ романистъ-художникъ графъ А. Н. Толстой. Его Пьеры суть живыя лица, дѣйствующія на дѣйствительно-русской почвѣ, въ дѣйствительно-исторической обстановкѣ и среди дѣйствительно-бывшихъ событій. Но это — лица сочиненныя, ихъ думы взяты изъ современной романисту дѣйствительности, изъ его собственнаго опыта, изъ его же личныхъ идеаловъ: также и частныя случаи для раскрытія души этихъ лицъ придуманы только *возможныя*, или же взяты дѣйствительныя, но поставлены въ сцѣвленія только *возможныя*. Во многихъ случаяхъ это есть даже самъ А. Толстой, одѣтый въ историческую тогу. Таковъ Толстой, какъ художникъ-романистъ. Но когда къ этому, безспорно великому, художественному генію понадобилось присоединить науку, методъ, изслѣдованія всехъ возможныхъ родовъ и *научное* прозрѣніе исторической дѣйствительности; тогда получились только

Разсматривая съ указанной точки зрѣнія ¹⁾ Ренанову Жизнь Иисуса, мы находимъ въ ней и романъ и исторію вмѣстѣ. Историческая обстановка Евангельскихъ событій, второстепенныя стороны Евангельской исторіи и ея естественно-человѣческія условія, какъ мы говорили уже прежде, дышать полною и неподрожаемою художественно-историческою правдою. Но самый ходъ Евангельской исторіи, ея общее освѣщеніе, тенденція и, въ особенности, главное лицо—Христосъ Иисусъ у Ренана—не дѣйствительная исторія, а романическій вымыселъ одной изъ безпредѣльнаго числа возможностей, противорѣчащей притомъ историческимъ источникамъ: вмѣсто дѣйствительно-историческаго и Евангельскаго Богочеловѣка мы находимъ у Ренана лишь простаго еврейскаго раввина съ примѣсью современной чисто французской дѣйствительности и личныхъ Ренановскихъ чертъ.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы раскрыли этотъ раздвой въ книгѣ Ренана между правдою и ложью—съ догматической и нравственно-религіозной точки зрѣнія, показавъ у нашего автора отсутствіе необходимаго тутъ нравственно-религіознаго генія съ одной стороны, и невозможность художественно-вѣрнаго начертанія Богочеловѣческаго образа ни словами, ни красками, ни звуками—съ другой стороны. Теперь надѣмся раскрыть это и съ научно-исторической точки зрѣнія, т. е. путемъ сравненія Ренанова учителя галилейскаго, проповѣдника чистой морали и іудейскаго преобразователя съ дѣйствительно-историческимъ образомъ Богочеловѣка, какимъ Онъ изображенъ въ научно-документальныхъ источникахъ Евангельской исторіи, опредѣляя эти источники по началамъ безпристрастно-научной и даже для невѣровъ власть имѣющей критики.

Но это раскрытіе требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній о значеніи научно-исторической критики нашихъ Евангелій для западнаго и преимущественно протестант-

по истинѣ жалкія пошлости, въ родѣ, напримѣръ, „*церковнаго старосты*“ вмѣсто „начальника синагоги“, или „*поповъ*“ вмѣсто „священниковъ іудейскихъ“, или „*православныхъ*“ вмѣсто „іудеевъ“ и т. под.

¹⁾ Указанное различіе между художественною исторіею и историческимъ романомъ мы дѣлаемъ лишь условно и примѣнительно къ одной только книгѣ Ренана, отнюдь не сознавая за собою правоспособности давать какія-либо обще-обязательныя и законоположительныя опредѣленія.

скаго богословія, сравнительно съ задачами и началами науки православной.

Всѣ многочисленные и разнообразныя предметы знанія, надъ которыми работаетъ человѣческой умъ, раздѣляются на двѣ существенно различныя области: вещественно-реальную и духовно-идеальную. Пока изслѣдованіе вращается въ области вещественности и опыта, оно можетъ достигать наглядныхъ, послѣднихъ и потому общеубѣдительныхъ слѣдствій. Электрическая лампа или паровикъ могутъ быть считаемы конечными цѣлями разработки извѣстнаго тезиса: результатъ воочію показываетъ то, что изыскивалось. Иное дѣло, когда изъ опыта и вещественности изслѣдованіе переходитъ въ область духовныхъ и идейныхъ отношеній. Общеубѣдительное значеніе тутъ имѣютъ лишь самыя общіе и отвлеченныя идеи и идеалы, никогда притомъ въ данной эмпирической дѣйствительности не достижимые всецѣло, которые поэтому, при ближайшемъ и частномъ раскрытіи или примѣненіи въ дѣйствительности, разнообразятся даже перѣдко до полной противоположности.

Къ духовно-идеальной или идейной области знанія принадлежитъ, между прочимъ, и исторія вообще, религіозныя явленія въ частности и Библія въ особенности, — гдѣ нѣтъ, кажется, ни одного, въ томъ или другомъ отношеніи важнаго для современнаго человѣка и болѣе или менѣе тщательно обслѣдованнаго положенія, которое не имѣло бы противоположенія, и гдѣ положенія и противоположенія почти всегда теряютъ свои концы въ какомъ-то безусловномъ туманѣ неразрѣшимыхъ для разсудка (т. е. для силлогистики) антилогій. Подмѣченное гениальнымъ Кантомъ безсиліе разсудка выдти изъ подобныхъ противорѣчій не есть явленіе частичное или случайное, принадлежащее только извѣстной области и бывающее только при извѣстныхъ условіяхъ: существованіе такихъ противорѣчій во всѣхъ, болѣе или менѣе важныхъ для человѣка и обслѣдованныхъ, предметахъ знанія доказываетъ, что тутъ мы имѣемъ какую-то роковую необходимость, лежащую въ самой природѣ (ограниченности) человѣческаго духа, а не въ какихъ-либо случайныхъ условіяхъ. Для такого или иного выхода изъ этихъ противорѣчій опытъ и вещество не даютъ никакой двери.

Рѣшеніе обуславливается тутъ уже общимъ настроеніемъ души изслѣдователя, его воли и сердца, его склонностями и идеалами,—всѣмъ тѣмъ, что входитъ въ понятіе „*взгляда*“, опредѣляющей направленіе, тонъ, школу....

Не сознавая за собою правоспособности и не усматривая для себя нужды раскрывать и доказывать эту, по нашему мнѣнію, непосредственно очевидную и бесспорную истину въ отношеніи ко всѣмъ другимъ идейно-духовнымъ наукамъ, ограничимся одною только Евангельскою исторіею и ея источниками.

Съ самаго возникновенія критики Евангелія мы встрѣчаемъ въ ней два противоположныя направленія: положительное и отрицательное, вѣрующее и невѣрующее или, точнѣе, вѣрующее во Христа и вѣрующее въ Антихриста ¹⁾. Первое доказываетъ подлинность четвероевангелія и достовѣрность содержащейся въ немъ исторіи. Второе преслѣдуетъ противоположную задачу, стараясь доказать неподлинность нашихъ каноническихъ Евангелій и ихъ недостовѣрность. Научно-объективный и, такъ сказать, вещественный матеріалъ, надъ коимъ работаютъ оба направленія, одинъ и тотъ же. Разница въ точкахъ зрѣнія на предметъ, въ сужденіяхъ о немъ, въ аргументахъ и интерпретаціи. Примѣръ: одни ученые (школы Шлейермахера) подлинность и достовѣрность четвертаго Евангелія признаютъ несомнѣнною, даже на счетъ авторитета синоптиковъ. Другимъ (Ново-Тюбингенская и либерально-безъисповѣдная школы) казались и кажутся болѣе достовѣрными первыя три Евангелія, а отнюдь не четвертое. Подобныя же противорѣчія существуютъ относительно Апокалипсиса и четвертаго Евангелія, при чемъ или Евангеліе признается подлиннымъ и отвергается Апокалипсисъ, или же наоборотъ,—относительно извѣстнаго свидѣтельства Папія о писаніяхъ Матоея и Марка, въ коемъ (свидѣтельствѣ) одни усматриваютъ наши теперешнія Евангелія Матоея и Марка, а другіе видятъ какія-то, до насъ подошедшія, первоначальныя Евангельскія.—относительно предсловія Евангелія Луки,—вообще относительно всѣхъ, болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ Евангельской исагогики и экзегеса.

¹⁾ Кор. 1, 22—23; 12, 3 и др. 1 Иоан. 2, 22 дал. 2 Петр. 2, 1 сл. и мн. др. ср. Иоан. 6, 61—69. Мат. 12, 38 сл. 16, 1 сл. и др. мн.

Такъ какъ въ теченіи столѣтій напряженныя работѣ многочисленныхъ гениевъ науки, подкрѣпляемыхъ всевозможными открытіями въ области вспомогательныхъ наукъ, ни на одинъ шагъ не подошли ближе къ выходу изъ вѣковыхъ противорѣчій: то это даетъ намъ возможность думать или предполагать, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ явленіемъ, но съ чѣмъ-то роковымъ и, повидимому, неустрашимымъ при помощи однихъ только естественно-человѣческихъ силъ. Суть тутъ не въ недостаткѣ матеріаловъ или методы, но въ ограниченности человѣческаго духа, который, какъ образъ Божій, имѣетъ сознаніе идеаловъ, а. какъ ограниченное существо, въ данной наличности своей, всегда далеко отъ этихъ идеаловъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Если бы это зависѣло отъ объективной разработки научнаго вещества, то силовыя силы отрицательной и положительной школы развѣ бы не смогли въ теченіи столѣтій доказать тѣ или другія положенія такъ, чтобы уже были невозможны никакія противоположенія, — и такимъ образомъ эта вѣковая борьба кончилась бы полнымъ пораженіемъ одной изъ враждебныхъ сторонъ. Если же этого нѣтъ, и не будетъ, и быть не можетъ ¹⁾, — если эта борьба должна продолжаться дотолѣ, пока настанетъ *„конецъ, когда Сынъ Божій предастъ царство Богу и Отцу, когда низложитъ всякъ враговъ подъ ноги Свои и истребитъ послѣдній врагъ — смерть“* ²⁾: то причина этой борьбы должна лежать глубже научныхъ дѣтъ и быть почвою научнаго вещества, то есть, повторимъ, въ тѣхъ предрасположеніяхъ и настроеніяхъ духа человѣческаго, отъ коихъ зависятъ и коими опредѣляются истинныя и необходимыя направленія или школы во всѣхъ наукахъ идейнаго или идеально-духовнаго характера. Сыны свѣта и исчадія тьмы, христіане и антихристіане, идеалисты и реалисты всегда будутъ надъ однимъ и тѣмъ же научнымъ веществомъ работать во враждебныхъ направленіяхъ, на одни предметы смотрѣть съ противоположныхъ сторонъ и

¹⁾ См. 1 Кор. 11, 19 ср. Матѳ. 24, 22—28 ср. ст. 11; Дѣян. 20, 29—30; 2 Фессал. 2 7—13; 1 Тим. 4, 1—3; 1 Иоан. 2, 18—19; 4, 1—6; Апок. 13, 13; 19, 20; 2 Петр. 2, 1—3; 3, 3; 1уд. 18 и др. мн.

²⁾ 1 Коринѳе 15, 24—24.

на основаніи тождественныхъ дѣлъ строить различные выводы. Какъ при жизни Христа Его слова и дѣла однимъ являли, что Онъ есть Сынъ Бога живаго и имѣетъ глаголы вѣчной жизни, а другіе соблазнялись и дерзали усматривать въ нихъ вліяніе бѣса и силу сатанинскую ¹⁾; такъ это было и послѣ, при апостолахъ ²⁾, мужахъ апостольскихъ, отцахъ Церкви ³⁾; такъ это и доднесъ,—для однихъ это—соблазнъ и безуміе, для другихъ — Христовъ, Божія Сила и Божія Премудрость. И едва ли кто станетъ отрицать, что и при откритіи апостольскихъ автографовъ борьба не прекратилась бы, но только измѣнила бы внѣшній видъ свой, обратясь въ нападеніе на самихъ апостоловъ вмѣсто нынѣшней вражды противъ Церкви и преданія. Утверждаемъ это въ виду того факта, что, когда дѣйствительно могли быть на лицо или автографы апостольскіе или свидѣтели-очевидцы (Лук. 1, 1—5; Іон. 19, 35; 21, 24—25; 1 Іоан. 1, 1—3), антихристы обвиняли самихъ апостоловъ или въ заблужденіи (Маркіонъ) или во лжи (Цельсъ). Идемъ еще далѣе: если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрять (Лук. 16, 31),—если бы самъ Христовъ снова явился на землю, сотворилъ тѣ же чудеса и научилъ тому же — не увѣруютъ, ибо *душевный человекъ* (реалистъ и позитивистъ) не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, почиталъ сіе безуміемъ,—и не можетъ разумѣть, потому что *духовно* (идейно) *изслѣдуется*; но *духовный* (человѣкъ идеала и идеи) *изслѣдуетъ все, не дѣлаясь однакоже работою разсудочности* (раціонализма, схоластики и реализма), *ибо имѣетъ умъ Господень* (1 Кор. 2, 12—16).

Сказанное дастъ намъ право утверждать, что въ идейныхъ наукахъ вообще, и въ изученіи Евангелія особенно, за доказательствомъ, за разсудочными посылками и за выводами всегда и вездѣ стоитъ *вѣра* въ извѣстный идеаль, во Христа или въ Антихриста, — сердечно-волевая склонности и отвращенія, любовь къ свѣту и тьмѣ, влеченіе Духа свята и духа лстча, вообще нравственно-научное и изслѣдователя.

¹⁾ Іоан. 6, 60—71; Марк. 3, 22; Мо 10, 25; 12, 24; Лук. 11, 15; Іоан. 8, 48—52.

²⁾ 1 Кор. 1, 22—24 и др.

³⁾ Цельсъ, еретики, отрицавшіе божественное достоинство Христа.

Сознаеть это, повидимому, и Ренанъ, если безконечные и вѣковые споры нѣмецкаго богословія по вопросамъ о подлинности и достовѣрности Евангелія думаетъ разрѣчь простымъ указаніемъ по то, что сами по себѣ, безъ предварительно-апріорныхъ предрасположеній (напр. вѣры въ ненаучность чуда), эти споры безплодны и ничего не даютъ для научнаго возсозданія Евангельской исторіи ¹⁾.

Пусть Евангелія подлинны: развѣ это, съ точки зрѣнія безусловнаго и послѣдовательнаго научно-объективнаго скепсиса, ручается за достовѣрность всего, въ нихъ написаннаго? Развѣ подлинный авторъ-очевидецъ безусловно гарантированъ относительно достовѣрности своихъ сообщеній? И наоборотъ, пусть Евангелія неподлинны: развѣ это, съ точки зрѣнія того же безусловнаго и строго выдержаннаго научно-объективнаго скепсиса, даетъ право *вѣрять*, что въ нихъ содержатся недостовѣрныя извѣстія? Развѣ писатель-неочевидецъ, при извѣстныхъ условіяхъ, не имѣетъ возможности дознать и прозрѣть истину даже точнѣе и ближе самаго очевидца? Посему: если извѣстное повѣствованіе Евнгельское принимается одними (вѣрою) за вымыселъ и невозможность, а другими (также вѣрою) за истину и необходимость: то (кромѣ вѣры въ реализмъ, позитивизмъ и невозможность чуда, о чемъ — особая рѣчь) выходя тутъ изъ аргументовъ за и противъ, по Ренану, можетъ дать отнюдь не „детальное сцѣпленіе текстовъ“ ²⁾, не „теоріи и игра въ отвлеченности“ ³⁾, не „простое скучиваніе мелочей и побочныхъ обстоятельствъ“ ⁴⁾ по „вознесенная до высоты *идеи* истина“ ⁵⁾, „единое глубокое чувство“, „художественный гений“ и „высокій тактъ“ ⁶⁾, или, по библейско-христіанской терминологіи — не плоть и буква безполезныя и мертвыя, но жизнь и вѣра и духъ животворящіе ⁷⁾.

1) Предлагаемъ сравнить Ренаново ученіе о расовыхъ отличіяхъ религіознаго инстинкта.

2) Introduction, p. XLVIII: les details que nous fournisent les textes.

3) Ib. LIV: un simple jeu d'abstractions.... les doctrines.... une certaine theorie....

4) Ib. LV: la simple agglomération de petits faits.

5) Ib. p. XLVIII. la verité, élevée à la hauteur d'une idée.

6) Ib. p. LV. un sentiment profond, la raison d'art, le tact exquis etcet.

7) Іоан. 6, 63; 2 Кор. 3, 6. Іоан. 3, 15. 36; 5, 24; Римл. 6, 33; 1 Іоан. 5, 13 и др. мн.

Итакъ, принципиально отрицая объективно-научное и безусловно-вершительное значеніе отвлеченно-теоретическихъ вопросовъ о подлинности и достовѣрности Евангелія, Ренанъ въ концѣ концовъ основывается на субъективной *оптѣ* въ свой научно-художественный геній и въ свою личную и безусловно правоснособность опредѣлять научно-историческую истину вообще, и Евангельскую въ частности.

Однакожъ научная совѣсть даже и отрицателя-врага Христа не можетъ удовольствоваться такимъ субъективизмомъ и самовѣрою; она ищетъ объективной и вѣсторонней опоры для этой внутренней самовѣры и для своихъ предрасположеній, — ей нужна провѣрка и самоудовѣреніе въ томъ, что она идетъ по пути вселенской истины и по законамъ общечеловѣческаго сознанія научнаго, а не витаетъ въ облакахъ фантазіи, галлюцинацій, туманныхъ мечталій разнаго рода и под.

Въ качествѣ такой научно-объективной опоры для ученыхъ антихристовой школы служить тайно или открыто ими содержимая *оптѣ* въ невозможность чудесъ вообще или, по крайней мѣрѣ, въ недостовѣрность, недоказанность и ненаучность ихъ, — а въ частности — вѣра именно въ реалистическую или позитивную естественность Евангельской исторіи, въ недостовѣрность Евангельскихъ чудесъ, въ человѣчность Христа. Ренанъ принадлежитъ къ открытымъ исповѣдникамъ вѣры въ ненаучность (вѣрѣе—невозможность) чуда и богочеловѣчества Христова, а не къ тѣмъ жалкимъ и трусливымъ послѣдователямъ сей вѣрѣ, которые могутъ говорить и писать о Канѣ Галилейской, о вѣшнемъ видѣ и вмѣстимости водоносовъ, объ архитриклипѣ и продолжительности брачныхъ пировъ и проч. и проч., — ни единого слова только о самомъ претвореніи воды въ вино, какъ началъ знаменій Его и явленіи славы Его и вѣрѣ въ Него учениковъ Его. Къ чести Ренана надо сказать, что онъ открыто и прямо заявляетъ свое вѣроисповѣданіе: чудо въ науку не принято; въ чудеса не вѣрятъ ученые позитивисты; чудо не доказано (не возможно); исторія построяется безъ чудесъ и естественно-человѣческимъ образомъ; Евангеліе не можетъ быть исключеніемъ изъ этого мнимаго закона; Христосъ есть и могъ быть только человѣкомъ, а не Богочеловѣкомъ — вотъ объективная основа для субъективнаго

произвола Ренановыхъ дѣйствій надъ Евангельскими повѣствованіями.

Нетрудно однакожь видѣть, что объективность этой основы только призрачная, какъ и вообще отрицаніе и скепсисъ, по самой природѣ своей, имѣютъ характеръ личный или субъективный. Вѣдь отрицательно-скептическое направленіе есть именно порожденіе индивидуализма и субъективизма протестантскихъ принциповъ вѣры, оно не можетъ имѣть обще-соборнаго и органически-живаго преданія и слагается изъ субъективнаго взгляда единичныхъ лицъ, вѣрующихъ Антихристу вмѣсто Христа. Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ субъективною вѣрою или невѣріемъ, а не съ объективнымъ критеріемъ истины, не съ властно-дѣйственной и законоположительною для каждаго единичнаго сознанія силою, стоящею внѣ и выше отдѣльной особи и не имѣющей субъективно-личнаго характера.

Печать такого же субъективизма лежитъ и на положительной наукѣ западной, или точнѣе - протестантско-нѣмецкой, доселѣ стоявшей во главѣ и дававшей тонъ всему западно-европейскому богословію ¹⁾. Какъ въ отрицательной наукѣ вѣра въ челоѣчность Евангелія и слѣдованіе идеаламъ Антихриста объединяетъ, хотя бы только и внѣшне, всѣхъ невѣровъ въ одну отрицательную школу; такъ христіанскіе зпросы челоѣческаго духа и дѣйственность образа Божія въ челоѣкѣ собираетъ вѣрующихъ Христу ученыхъ въ школу положительную. Но и въ сей послѣдней нѣтъ внѣшняго критерія для удостовѣренія и научнаго обоснованія субъективной вѣры и личныхъ потребностей каждаго особой души-христіанки. Протестантизмъ не имѣетъ внѣшней Церкви и соборнаго преданія, — онъ основанъ на личной вѣрѣ и личныхъ потребностяхъ каждаго вѣрующаго христіанина. А въ ланизмѣ, хотя по внѣшности и въ отвлеченной теоріи, дѣло и обстоитъ тверже, поскольку здѣсь *не отвергается* значеніе церковнаго преданія въ лицѣ

¹⁾ Не только католики вообще, но даже и отцы іезуиты обѣими руками берутъ у протестантовъ все, что можетъ служить, по ихъ мнѣнію, во славу Божию, хотя бы даже и съ пресловутымъ *via fraudis*. Наличнымъ доказательствомъ этого, съ области нашей науки, можетъ служить *Cursus Scripturae Sacrae*, издаваемый Корнелии, Кнабенбауеромъ и др.

единичныхъ авторитетовъ церковныхъ. Желаемъ обратить вниманіе на курсивомъ отмѣченныя термины. Папизмъ и *не признаетъ* преданія, какъ живой и дѣйственной силы и какъ живаго выраженія самосознанія Церкви. Папистическіе догматы Церкви и преданія существуютъ лишь въ буквѣ и на словахъ, а не суть живо сознанныя и дѣйственно выраженные истины. Церковь, какъ живое общество вѣрующихъ во Христа лицъ и какъ непрестанно-дѣйствующій организмъ для выраженія христіанской мысли, христіанскаго чувства и христіанской воли, или вообще христіанскаго вѣросознанія,—въ папизмѣ замѣнена *единичными лицами* (папами), которыя въ дѣлѣ выраженія общецерковнаго вѣросознанія стоятъ посрединѣ и отдѣляютъ Главу Церкви—Христа отъ тѣла Церкви—отъ всей цѣлокупности вѣрующихъ въ живомъ единеніи между собою ¹⁾ и со Христомъ. Церковь и преданіе папизмъ признаетъ лишь въ теоріи и въ отвлеченіи, а на дѣлѣ папа обладаетъ правоспособностью непогрѣшимаго вѣросознанія. Новѣйшіе, въ противорѣчьи съ преданіемъ и соборнымъ вѣросознаніемъ Церкви стоящіе, догматы непогрѣшимости папы и непорочнаго зачатія служатъ наличнымъ доказательствомъ того, что непогрѣшимость Церкви и ея соборнаго вѣросознанія папизмъ сосредоточиваетъ въ единичныхъ лицахъ, а не въ цѣлокупности соборнаго вѣросознанія ²⁾. Правда, папа являетъ въ себѣ такую непогрѣшимость не какъ единичный членъ Церкви, даже не какъ священникъ или епископъ, но какъ особен-

¹⁾ При семъ конечно надо различать между вѣрующими лицъ іерархическихкихъ или пастырей отъ мірянъ или пасомыхъ, ибо тѣло при одной главѣ имѣетъ многіе члены: 1 Кор. 10, 16 - 17; 12, 27 - 28; Ефес. 1, 23; 2, 16; 4, 4; 4, 12—16; 5, 23, 30; Колос. 1, 18. 24; 2, 17. 19; 3, 15 ср. Іоан. 6, 35 сл. 15, 1 сл. Мт. 26, 26 - 28 и парал.

²⁾ Сюда же надо присоединить теорію развитія догматовъ, какъ она понимается новыми католическими богословами, хотя въ смыслѣ *соборнаго выраженія и раскрытія неизмѣнной и вѣчной истины, непрестанно дѣйственной въ Церкви*, идея развитія догматовъ предпологается яснымъ ученіемъ объ органическомъ развитіи и ростѣ Церкви. Какъ живой организмъ, Церковь не измѣняется въ своемъ развитіи, но сохраняетъ типъ свой и основоположительныя истины (догматы), только раскрывая ихъ, а не вводя въ свой организмъ истины новыя, организмъ чуждыя и въ немъ когда-либо не дѣйствовавшія. Иначе: истины своего неизмѣннаго и всегда себѣ равнаго соборнаго вѣросознанія Церкви, по требованію обстоятельствъ,

ное лицо, уполномоченное Церковью и освященное свыше, — какъ глава Церкви видимой и какъ ви́шній органъ дѣйствія на Церковь Святаго Духа и Невидимаго Главы ея — Христа. Но въ этомъ-то и заключается роковая бѣда папизма. Вѣра во Христа, въ Евангеліе и въ Церковь здѣсь безцѣльно, а потому и ложно, усложняется новою вѣрою въ непогрѣшимость единого лица, — въ то, что папа не можетъ вѣроопредѣлять ложно, хотя дѣйствительность служить наличнымъ, никакими софизмами неустрашимымъ, опроверженіемъ такой вѣры. Да иначе и быть не можетъ и не должно ¹⁾, послику одинъ только Богъ *истиненъ* и святъ, *всѣмъ же человекъ*, какъ ограниченная и притомъ грѣшная особь, *ложь* есть и не можетъ не согрѣшать ²⁾. Никакой отдѣльный членъ Церкви не можетъ быть выразителемъ вѣросознанія всей цѣлокупности тѣла Христова, какъ глазъ не замѣнить слухъ или обоняніе ³⁾, т. е. говоря иначе: каждый отдѣльный членъ Церкви можетъ сознавать и ясно выражать только одну какую-либо частную сторону общесоборнаго сознанія Церкви, но не можетъ выразить всю цѣлокупность этого сознанія, какъ глазъ не въ состояніи выполнить то, что есть дѣло руки или слуха. Такимъ образомъ *дѣйствительно* непогрѣшимый авторитетъ непрестанно-дѣйствительнаго и живаго вѣросознанія *Церкви Со-*

опредѣляетъ и выражаетъ въ соотвѣтственныхъ формулахъ, возводя эти истины изъ аксіомъ или непосредственныхъ истинъ своего вѣросознанія въ догматы, во ви́шние-обязательныя законоположенія и безусловныя повелѣнія.

¹⁾ Разумѣемъ главнымъ образомъ догматъ непорочнаго зачатія, разрушающій всю идейную сторону наиглубочайшаго догмата искупленія чело-вѣчества воплощеніемъ Бога-Слова; ибо разъ допущенная, при какихъ бы то ни было условіяхъ и для какого-бы то ни было чело-вѣческаго индивида, возможность дѣйствительной безгрѣшности до дѣйствительнаго совершенія искупленія воплотившимся Словомъ — Сыномъ не только колеблетъ, но и прямо разрушаетъ глубоко философскую необходимость тайны Боговоплощенія. Этотъ, по истинѣ несчастный для папизма, догматъ вмѣстѣ съ догматомъ папской непогрѣшимости, не говоря о частныхъ заблужденіяхъ разныхъ папъ, доказываетъ именно погрѣшимость папы, какъ единичнаго лица, — и необходимость *соборно* вѣросознанія и вѣроопредѣленія.

²⁾ Ср. Римл. 3, 4.

³⁾ Ср. 1 Кор. 12, 12 сл.

борной въ органическомъ единеніи всѣхъ ея сыновъ между собою и со Христомъ, въ папизмъ замѣненъ *искусственною* вѣрою въ отрывочныя (подобно какъ ветхозавѣтному первосвященнику чрезъ уримъ и тумимъ и надъ очистилищемъ), виѣшнія и необходимыя откровенія папы ех cathedra. Ясно, что тутъ нѣтъ объективнаго удостовѣренія для субъективной вѣры и научнаго сознанія, а напротивъ — тутъ отъ вѣрующаго требуется къ личной вѣрѣ во Христа и къ слѣдованію христіанскимъ идеаламъ своей души присоединить еще вѣру въ исключительную непогрѣшимость папы ех cathedra, — или: научно объективное вѣросознаніе Соборной Церкви здѣсь замѣнено противонаучною вѣрою, да позволено будетъ намъ сказать это, въ папскій фетишь.

Фетишизмъ и субъективизмъ, какъ видимъ, составляетъ общую черту западной богословской науки папизма и протестантизма. Какъ протестъ противъ вѣры въ папу, реформація только перенесла эту вѣру съ одного лица на всѣхъ вѣрующихъ единицъ, на каждую особь. Разница тутъ не существенная или качественная, но только количественная. Какъ прямое, исторически и логически законное и даже необходимое порожденіе папизма, протестантизмъ есть, такъ сказать, выродившійся или распространившійся папизмъ, — всякій протестантъ вкратцѣ повторяетъ собою папу, — есть маленькій папа, самофетишь, самовѣръ, — законное чадо своего древняго патріарха, отражающее въ себѣ всѣ типичныя черты своего праотца ¹⁾).

Иначе обстоитъ дѣло богословской науки въ Православіи, поскольку оно *представляетъ собою Церковь дѣйствительно Соборную* и поскольку въ немъ *преданіе служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ соборнаго вѣро—или самосознанія Церкви*. Эта сторона православной вѣры, въ дѣлѣ научнаго обоснованія православнаго богословія вообще, а для раскрытія истинныхъ и самобытныхъ (оригинальныхъ) началъ православной науки Священнаго Писанія въ частности, Новаго же Завѣта — въ особенности, настолько, по нашему мнѣнію, важна, что мы позволяемъ себѣ вы-

¹⁾ Протестъ и рационализмъ Лютера противъ папы былъ развитіемъ протеста и рационализма папы противъ Соборной Церкви (Хомяковъ).

яснить въ ней нѣкоторыя подробности, прежде чѣмъ перейдемъ къ частному разбору Ренановой Жизни Иисуса ¹⁾.

Преданіе есть выраженіе непрестаннаго, живаго и дѣйствительнаго *самосознанія* Церкви Христовой, какъ живой, цѣлокупной и соборной личности, осѣняемой Духомъ Святымъ, — возглавляемой и одушевляемой Христомъ, — имѣющей умъ Христовъ, сердце Христово и волю Христову, — въ соборно-дѣйствительномъ и непрестанномъ единеніи всѣхъ своихъ членовъ между собою и съ своимъ Главою представляющей цѣлостный и живой организмъ, коего единственный и дѣйствительный глава есть и можетъ быть только Христосъ, ибо двухъ главъ въ одномъ человѣческомъ тѣлѣ не бываетъ ²⁾.

Это дѣйствительно-живое и соборное самосознаніе Церкви Христовой мы можемъ разсматривать въ нѣкоторой аналогіи съ самосознаніемъ каждой отдѣльной личности. Мое самосознаніе, какъ выраженіе существа и жизни моего я, есть для меня истина самодостовѣрная, первичная, неразложимая. Если мое самосознаніе относительно моей личности

¹⁾ Надо замѣтить, что какъ всякая критика вообще, такъ въ особенности полемика православія съ невѣріемъ требуетъ не столько частныхъ уликъ и опроверженій мелочей, сколько установка общихъ началъ и положительнаго раскрытія православной истины, самой въ себѣ. А въ отношеній къ Ренану это надо тѣмъ болѣе, такъ какъ детали Ренановой книги изболочить можетъ каждый безъ труда, посредствомъ простой свѣрки цитатъ хотя бы даже съ русскимъ Евангеліемъ. Какъ христіанство такъ и антихристіанство, замѣтимъ, главную силу имѣютъ не въ тѣхъ или иныхъ частныхъ сужденіяхъ о частныхъ сторонахъ Евангелія, но именно въ общихъ началахъ, — *въ вѣрѣ и невѣрїи*, — точнѣе — въ вѣрѣ во Христа и въ вѣрѣ въ антихриста.

²⁾ Отсюда можно усматривать схоластичность утвержденія двухъ главъ церковныхъ — видимой (папы) и невидимой (Христа). Замѣтимъ кстати, что въ одномъ ученомъ отзывѣ (профессора-спеціалиста) утверждается непозволительность термина: *членъ Церкви* вмѣсто: *сынъ Церкви*. Не отрицая сего послѣдняго, имѣющаго свой особый смыслъ (именно по отношенію къ благодатному возрожденію вѣрующаго) мы однакоже и въ доказательство полной законности церваго считаемъ достаточнымъ сослаться на вышеприведенныя мѣста изъ Новаго Завѣта (особенно на Еф. 50, 30 и 1 Кор. 12, 27 ср. Климента Рим. 1 посл. гл. 36, § 7 (по изданію Функа 1881 г. т. 1 стр. 118—119). Терминъ этотъ ударяетъ именно на отношеніе вѣрующаго къ обще-церковному организму, къ Церкви какъ тѣлу Христову и къ соборному вѣросознанію Церкви.

опредѣляеть что-либо какъ истинное, то никакіе софизмы и доводы разсудка не въ состояніи поколебать этого непосредственнаго сознанія мною какой-либо истины, подобно тому какъ напр. въ области счета никакія доказательства не заставляютъ принимать 2 + 2 за 5, а не за 4.

Объяснимся примѣрно. Предположимъ, что кто-либо въ дѣтствѣ, до своего поступленія въ училище, обученъ былъ латинской грамматикѣ своимъ дѣдомъ. Въ самосознаніи такого человѣка это — несомнительная и непосредственно достоверная истина. Теперь предположимъ, что кто-либо и по какимъ бы то ни было побужденіямъ вздумалъ опровергнуть эту непосредственно сознаваемую истину и доказать, что это утвержденіе ложно. Пусть въ существующихъ на лицо документахъ будетъ столь обычная ошибка уменьшенія лѣтъ, которую, за утратою метрики, невозможно провѣрить. Окажется, что N не могъ учиться у дѣда, ибо сей послѣдній умеръ, когда N-у было только 5—6 лѣтъ. Можемъ примѣрно указать еще на такой фактъ: когда сей N былъ приведенъ къ ректору-смотрителю на экзаменъ для поступленія въ высшій классъ училища, то ни на одинъ вопросъ экзаменатора онъ не отвѣтилъ, а только плакалъ со страху. Однако жъ по какимъ-бы то ни было тамъ побудительнымъ впечатлѣніямъ N былъ зачисленъ въ высшій классъ. Смотритель, допустимъ, былъ аккуратный человѣкъ и отмѣтилъ сему N-у въ своей записи полное незнаніе его, а непосредственно затѣмъ слѣдовавшіе успѣхи сего N-а по латинскому языку провѣрить нельзя, по отсутствію ли учителя по сему предмету за это время или же по причинѣ утраты нотатъ и списковъ. Такимъ образомъ доказательства противъ будутъ все на лицо: N-ъ не учился и учиться не могъ у своего дѣда; его показаніе есть или завѣдомая ложь, быть-можетъ невинно придуманная для какихъ-либо высокихъ цѣлей, — или простой самообманъ (миѳъ), образовавшійся изъ сильнаго желанія прославить дѣда, а то и просто изъ дѣтскаго сновидѣнія, смѣшаннаго старческою памятью съ давнишнею дѣйствительностію. И не смотря на все это, если существуетъ такое самосознаніе, оно для самосознающаго есть безспорная истина: онъ знаетъ это, помнить, будетъ сознавать, пока *вѣритъ* въ себя и въ

свое самосознаніе, пока не усумнится въ себѣ самомъ и въ нормальности своего сознанія.

Соборнѣ выражаемое преданіе и есть такое непогрѣшимое, самодостовѣрное и непреложно-истинное самосознаніе вселенской Церкви во Христѣ — ея Главѣ и въ Святомъ Духѣ. Церковь знаетъ себя, помнить себя, вѣрить себѣ и въ свою непогрѣшимость. Господь Иисусъ Христосъ есть живой Глава соборно-живаго организма Церкви, а апостолы, пророки, пастыри, учителя, клиръ, міряне суть члены тѣла Христова. Въ соборно-живомъ единеніи своихъ членовъ и стройной дѣйственности всего своего организма Церковь знаетъ то, что она въ себѣ самой пережила, что составляетъ самодостовѣрную истину ея непосредственнаго соборно-живаго сознанія, что она приняла и пріемлетъ отъ Христа, апостоловъ, учениковъ апостольскихъ, святыхъ отцовъ и учителей, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ своихъ. Ни въ какихъ аргументахъ и апологіяхъ своей истинности Церковь для себя самой не имѣетъ нужды; ибо она непосредственно знаетъ то, что знаетъ, и не можетъ заподозрить самому себя или усумниться въ своемъ самосознаніи. Преданіе Церкви какъ соборно-живое выраженіе и непосредственное свидѣтельство ея самосознанія есть поэтому самодостовѣрная, непосредственно самосознаваемая и безусловная истина, власть имущая по отношенію ко всемъ субъективнымъ выраженіямъ Христовой истины и частнымъ проявленіямъ едничныхъ членовъ Церковнаго организма.

Этимъ однакожъ отнюдь не исключается потребность и польза самозащиты Церкви отъ нападенія на нее со стороны враговъ Христовыхъ: ни вся Церковь ни каждый особый членъ ея не должны и не могутъ въ отношеніи къ своимъ врагамъ держаться начала *непротивленія злу*, какъ этотъ принципъ толкуется нашимъ Толстымъ. Привожу примѣрно другой случай, довольно обычный въ судебныхъ дѣлахъ, для уясненія того, когда и чего ради Церковь должна защищать и удостовѣрять себя,— правда, не для себя самой непосредственно, но для просвѣщенія внѣшнихъ и для укрѣпленія немощныхъ членовъ своихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершено ужасное злодѣйство, коего виновникъ тогда остался не дознаннымъ. Потомъ отыскиваются ясные слѣды преступника, — всѣ даты, каждая особо и въ своей

совокупности, согласно указываютъ на извѣстное лицо, — обвинительный актъ построенъ со всевозможною доказательностью. И однакожь преступникъ не тотъ, кто обвиняется. Самъ обвиняемый, лично для себя, не имѣетъ конечно ни малѣйшей нужды самоудостовериться въ своей невинности, сознавая свою правоту непосредственно, безъ всякихъ доказательствъ. Но если онъ будетъ упорное хранить молчаніе на судѣ и не употребитъ всѣхъ, отъ него зависящихъ, мѣръ къ раскрытію правды; то подобное поведеніе обнаружитъ въ немъ тотъ утонченный эгоизмъ, который заставилъ одного стоика сказать, что великій духъ (характеръ) не защищается, но подобенъ льву, спокойно (презрительно) выслушивающему лай собаченокъ, — который побудилъ Будду представлять врага-убійцу какъ своего благодѣтеля, который приближаетъ убитаго къ вождеденной пирванѣ. Такой изысканный эгоизмъ непротивленія злу чуждъ истинно христіанской любви къ ближнему, какъ къ своему родному по духу брату или сестрѣ. Заблуждаются братья или сестра, христіанинъ не можетъ оставлять ихъ въ заблужденіи и не научить, самоуслаждаясь при семъ своею правотою наче приточнаго фарисея ¹⁾. Неправедно обвиняемый не долженъ оставлять въ слѣпотѣ весь судъ, обвинителя, ближнихъ и знаемыхъ своихъ. И если Самъ Безгрѣшный Богочеловѣкъ не защищалъ Себя предъ снисходительномъ іудейскимъ, такъ это не потому только, что таково было безначальное предопредѣленіе Божескаго Совѣта, — но и потому, что обвиненіе тутъ было лицемерное, для виду, для сокрытія уже

¹⁾ Если же Толстой, благодаря невинности своихъ учений и вождеденій, желаетъ сказать только то, что безпачетвенно христіанину питать звѣрски-хищническое настроеніе по отношенію ко врагамъ своимъ, то онъ ничего не сказалъ отличнаго отъ сказаннаго Ап. Павломъ и другими апостолами, учениками апостольскими, отцами и учителями Церкви, въ частности — Златоустомъ и Филаретомъ, коихъ всѣхъ онъ ни за что ни про что (вѣроятно по незнанію ихъ) бравитъ неимдовитво. Въ такомъ случаѣ на Толстомъ лежитъ грѣхъ хулы на правду, — будто Церковь заблуждается, когда говоритъ то же самое, что и самъ Левъ Толстой. Если же „умыселъ иной тутъ былъ“ и эта сознательно-живая хула на правду православно-церковную служить лишь средствомъ для достиженія иныхъ, болѣе отдаленныхъ цѣлей, на примѣръ — уничтожить Церковь какими-быто ни было образамъ и средствами, хотя бы и намѣреннымъ клеветою: то совѣтуемъ Толстому вспомнить о Гагаринѣ и обѣ отцахъ-іезуитахъ.

предрѣшеннаго осужденія на смерть, — тутъ было не заблужденіе, а сознательное злодѣйство, которое рѣшено было совершить независимо отъ дѣйствительной виновности или невиновности Подсудимаго (ср. Іоан. 11, 50; Лук. 22, 67—71; Матѳ. 26, 60 сл.). Напротивъ, Пилату, пребывавшему въ невѣдѣніи касательно истиннаго положенія дѣла, Господь благоволилъ дать такой отвѣтъ, изъ коего тотъ увидѣлъ невинность Подсудимаго (Матѳ. 27, 12—14. 24; Лук. 23, 3—4. 14 сл. особ. Іоан. 18, 14. 19—21. 33—38).

Такъ и Церковь, подвергаясь непрестаннымъ и всевозможнымъ нападеніямъ со стороны вражескихъ силъ тьмы, не можетъ покоиться въ бездѣйственномъ сознаніи своей самотвердости, правоты и непогрѣшимости, но должна *препобѣждать зло добромъ*¹⁾ и ложь истинною (Матѳ. 5, 25. 40—48; 1 Петр. 3, 8—9; особ. Римл. 12. 27—21; 1 Кор. 7—8; 1 Тессам. 5, 15), дабы тѣмъ исторгнуть изъ власти антихриста людей невѣрующихъ или укрѣпить немощныхъ вѣрою членовъ своихъ. Всечеловѣческое и всемірное назначеніе Царства Божія заставляетъ Церковь печаловаться о каждомъ безъ исключенія человѣкѣ—ближнемъ и дальнемъ, сынѣ и врагѣ своемъ. Церковь препобѣждаетъ зло добромъ, ложь правдою, паглотъ кротостію.

Конечно, для пришедшихъ въ мѣру совершеннаго возраста сыновъ Церкви (Ефес. 4, 13; Колос. 1, 28), это не имѣетъ существенно-необходимаго значенія. Но вѣдь и апостоль Павелъ говоритъ о себѣ (примѣрно и въ переносномъ смыслѣ), что нѣкогда и онъ былъ младенцемъ (1 Кор. 13, 11), ученики Господа обращались къ Нему съ молитвою: „умножь (приложи, прибавь) въ насъ вѣру“ (Лук. 17, 57).

1) *ἀντι-στίραι*: такъ какъ предлогъ *ἀντί* означаетъ собственно *замѣнь* одного предмета другимъ и *противоположеніе*, то въ сложении съ *στίραι* онъ будетъ означать: становиться во враждебное положеніе другъ противъ друга, наоединокъ, съ одинаковымъ оружіемъ и под. Въ виду предлога *ἀντί* въ ветхозавѣтномъ законѣ о мщени: „око за (*ἀντί* око“, — мы имѣемъ въ заповѣди Господа о непротивленіи злу очевидное противоположеніе, даже вербальное (*ἀντι-στίραι*), ветхозавѣтному „за *-ἀντί*“. А съ вышеуказаннымъ высокоправственнымъ толкованіемъ заповѣди Господа у Ап. Петра и Павла Левъ Толстой очевидно не удостоилъ себя познать, хвативъ съ плеча обвиненіе на Церковь, Апостоловъ, Отцевъ. После же онъ не удостоилъ себя даже попросить прошенія у Церкви за явную клевету на нее.

Младенчество вѣры выражается, между прочимъ, и въ словопреніяхъ, въ аргументаціяхъ, спорахъ, возраженіяхъ. Такая вѣра—еще плотская, а не духовная, —требуетъ и доказательствъ или разсужденій о Христѣ младенческихъ,—молока, а не твердой пищи, каковую могутъ усвоить только уже взрослые и крѣпкіе мужи вѣры, а не младенцы (1 Кор. 3, 1—4 сл. ср. 1 Петр. 2, 2). Такъ и Самъ Господь младенчествовавшимъ еще вѣрою апостоламъ, даже одному сомнѣвавшемуся Оомѣ, благоволилъ, по Своемъ воскресеніи, дать особыя удостовѣренія и разрѣшить сомнѣнія чувственно-осязаемымъ способомъ (Іоан. 20, 25. 27—28; Лук. 24, 37—43). Наконецъ и всемірность христіанства, повторимъ, требуетъ отъ Церкви и ея представителей убѣждать и невѣрующихъ, проповѣдывать правду Христову всѣмъ заблуждающимся, свѣтить свѣтомъ Христовымъ предъ всѣми людьми и такимъ образомъ являть Христа всевозрождающею силою Божіею и премудростію (Мато. 5, 14—17; 28, 19—20; 1 Тим. 2, 4; 4, 10 и др. мн.). Вотъ почему апологія и полемика никогда не отсутствовали въ Церкви, съ самаго ея основанія и до сего дня. Рѣшеніе искусительныхъ возраженій и отвѣты на недоумѣнно-соблазнительные вопросы мы слышимъ въ Евангеліи изъ устъ Самого Господа (для примѣра см. Мато. 19, 3 сл. 22, 23—46; Іоан. 6, 60—63; 8, 13—14 и мн.),—опроверженія отрицательныхъ мнѣній или возраженій, какъ и обличеніе ереси, мы повсюду встрѣчаемъ у апостоловъ (особ. 1 Іоан. 4, 1 сл. 4, 1 сл. 1 Кор. 15, 12 сл.; посланія къ Римлянамъ и Галатамъ, направленныя противъ іудеистовъ, — къ Евреямъ противъ филоновско-александрійскаго гносиса и пр. и пр.), учениковъ апостольскихъ, у апологетовъ и отцовъ и учителей Церкви, у писателей Византійскихъ (противъ иконоборцевъ, богомиловъ, манихеевъ, лютеранъ), коими пользовалась всегда и Церковь Русская, въ случаяхъ нужды составляя и свои оригинальные полемическіе труды противъ невѣровъ и иновѣровъ. И неужели именно теперь, когда врагъ Христовъ становится все дерзостиѣе, все открытѣе, все стремительнѣе, — Церковь должна сложить орудіе, давая возможность заподозривать себя въ *научномъ* безсиліи и отсталости?!... Можно вообще со всею рѣшительностію утверждать, что

соблазнъ іудеевъ и безуміе еллиновъ не прекратятся до толѣ, пока придетъ беззаконникъ, человекъ грѣха и сынъ погибели,—пока не упразднится послѣдній врагъ Христовъ—смерть (1 Тим. 2, 3 сл. 1 Кор. 1, 25 сл.) А потому и настойчиво-открытое отрещиваніе отъ борьбы съ этимъ безуміемъ и соблазномъ надлежитъ принимать: или за прикрытіе невѣрія и тайнаго исповѣданія вѣры отрицателей, или за признакъ научно-интеллектуальнаго безсилія и непризванности къ дѣлу, или просто за выраженіе политикапствующаго ханжества, пустовѣрія и лицемерія ¹⁾).

Сказаннымъ уясняется только субъективная сторона самодостовѣрности церковнаго сознанія, выражающагося въ церковномъ преданіи: Церковь вѣруетъ въ себя-саму, въ свою самодостовѣрность. На чемъ же, далѣе, основывается объективная сторона непогрѣшимости и самодостовѣрности церковнаго преданія? Что ручается Церкви въ томъ, что она не погрѣшаетъ и не пребываетъ въ самообманѣ?

Для удобопонятности нашего отвѣта обратимся опять къ вышеприведеннымъ примѣрамъ. Что ручается N-у въ томъ, что онъ не обманывается касательно обученія у своего дѣда? На чемъ основывается самоудостовѣренность подсу-

1) Все указываютъ на то, что собственно для Русской Церкви не пужна апологія противъ невѣрія, ибо въ Россіи не вѣтъ тѣхъ соблазнительныхъ и стихійныхъ началъ, которыя породила западная наука. Развѣ членъ Церкви Русской не есть и членъ Церкви вселенской? Нѣтъ въ Россіи—есть въ Болгаріи, Іерусалимѣ, Антиохіи, Александріи! Развѣ въ древнее время ересь и невѣріе избличались только въ мѣстахъ ихъ рожденія и одними только зараженными ими общинами? Напримѣръ: арианство развѣ опровергалось только тамъ, гдѣ оно было? Да и въ Россіи, развѣ нѣтъ даже открытыхъ пантеистовъ, гилозистовъ, дарвинистовъ, позитивистовъ?... Развѣ всѣ эти *исти* по своей вѣрѣ не суть необходимые и рьяные *исти* и по отношенію ко Христу и Его царству? Развѣ Толстовскій *смыслъ жизни* не есть прямое исчадіе Гегеля, вскормашенное Страуссами, Фейербахами и Ренанами? А: *наша* *штулда*, съ своимъ отрицаніемъ Церкви, преданія, священства, съ своею нѣмецкою вѣрою и вѣмецкимъ прозвищемъ? Да и самъ Ренанъ, развѣ не путешествуетъ въ подлинникъ и переводѣ среди нашихъ выродившихся и обнищавшихъ интеллигентовъ, подуграматныхъ въ научномъ образованіи вообще, и всецѣло безраматныхъ въ религіозно-богословскомъ отношеніи? Вообще: если вѣтръ отрицанія вѣетъ въ Германіи, Австріи, Франціи,--то трудно понять смыслъ заявленія, что этого нѣтъ въ Россіи.

димаго въ своей невинности, когда множество уликъ подобрано противъ него? Отвѣтъ одинъ: психологическо-логическій законъ тожества личнаго самосознанія, — *собранность* или сосредоточенность или единство сознанія. Обращаясь къ частнымъ моментамъ своего самосознанія, къ разновременнымъ и разностороннимъ его обнаруженіямъ, — воспроизводи исторію его съ дѣтства и до настоящей минуты, онъ находитъ или ощущаетъ или сознаетъ себя единымъ и непреходящимъ Я; единою духовною сущностію и тождественнымъ себѣ сознаніемъ. Я не могу сознавать, та же ли самая эта, теперь ищущая, рука и изъ тѣхъ же ли состоитъ она элементовъ, чтò и 40 лѣтъ тому назадъ, — по крайней мѣрѣ я непосредственно не ощущаю этого тожества. Напротивъ тожество моего Я теперешняго съ тѣмъ, какимъ оно было въ духовномъ училищѣ и еще раньше, съ самаго перваго, мною припоминаемаго, момента самосознанія, — есть для меня не только самодостовѣрная истина отвлеченная, но это тожество дѣйствительно сознается мною и непосредственно самочувствуется мною. Это-то непосредственное ощущеніе тожества самосознанія, — единство, сосредоточенность и *собранность* всѣхъ частныхъ сторонъ недѣлимаго и по существу всегда себѣ тождественнаго Я и внушаетъ невинно обвиняемому подеудимому вѣру въ свою невинность или непосредственное сознаніе своей правоты.

По подобію съ симъ мыслимъ и о Церкви. Она, какъ мы говорили уже, есть живой организмъ (тѣло), въ коемъ обитаетъ и коимъ управляетъ Христосъ, какъ душа и глава Церкви. Это животвореніе, охраненіе и осѣненіе общецерковнаго самосознанія Христомъ и Духомъ дѣйственно выражается въ *соборности* Церкви, — т. е. въ томъ, что она есть *соборная* (*ἐκκλησια*) *цѣлокунная* (*καθ' ὅλον* или *καθολική*) или *Церковь Соборная*, коей всѣ отдѣльные члены стоятъ между собою и съ своимъ Главою въ постоянномъ, живомъ и дѣйственномъ единеніи любви или чувства, воли или дѣла и ума или вѣры. Она поэтому представляетъ противоположность каждой отдѣляющейся отъ нея и желающей своевольничать общинѣ (*καθ' ἑαυτήν, αἰρετική*). Не въ географическомъ или статистическомъ отношеніяхъ она есть Каколическая Церковь, но именно по своей цѣлокунности,

собранности и единству: все въ ней любятъ Бога и ближнихъ какъ себя самихъ и какъ своихъ братьевъ,—все единомысленно исповѣдуютъ единымъ сердцемъ и едиными устами славятъ и воспѣваютъ Отца и Сына и Духа,—все одушевлены единымъ желаніемъ полнѣйшаго и истѣйшаго осуществленія царства Христова, царства правды, любви и добра. Церковь всегда была соборною,—и когда христіанства не было проповѣдано въ Китаѣ, Сибири, Америкѣ и Россіи,—и когда все собраніе хотя и состояло только изъ около ста двадцати человекъ, но все единодушно и вмѣстѣ пребывали въ молитвѣ (Дѣян. 1, 14—16; 2, 1), -- и когда Духъ Святой въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на всехъ (Дѣян. 2, 1 сл.), и когда, по присоединеніи около трехъ тысячъ, все постоянно пребывали въ ученіи апостоловъ, въ общеніи и преломленіи хлѣба и въ молитвахъ, все были вмѣстѣ и имѣли все общее (Дѣян. 2, 41—42, 44), --и когда у множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа, и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. 4, 32). Останется Церковь соборною и тогда, когда „Сынъ Человѣческой, пришедши, пойдетъ ли вѣру на земли“ (Лук. 18, 8), ибо Христосъ пребудетъ и посреди двухъ или трехъ, собранныхъ во имя Его (Матѣ. 18, 20). Оживотворяемая Христомъ и осѣняемая Святымъ Духомъ, эта соборность (единство) церковнаго самосознанія свое наивысшее, безусловное и полное выраженіе находитъ въ опредѣленіяхъ Вселенскихъ Соборовъ, гдѣ устами собранной во едино Церкви Христовой говоритъ Святой Духъ.

Чтобы уяснить значеніе этой, хотя и таинственной, но дѣйствительной силы *соборности*, снова прибѣгаемъ къ помощи примѣра. Каждый истинно вѣрующій и благочестиво настроенный христіанинъ всегда конечно можетъ молиться одиноко у себя дома и въ тиши уединенія изливать предъ Небеснымъ Отцомъ чувство своего благоговѣнія. Но эта особая и тайная молитва никогда не замѣнитъ общественнаго богослуженія. Домашняя молитва въ пасхальную ночь замѣнитъ ли и восполнитъ ли ту минуту религіознаго восторга, когда на возгласъ священнослужителя „Христосъ воскресъ“ сотни-тысячи вѣрующихъ единомысленно, одними устами, однимъ сердцемъ и одною душою *соборно*

отвѣтствуютъ: „*воистину воскресъ*“ ¹⁾. Человѣкъ не есть только особь и лицо, но онъ есть и живой членъ обществено-человѣческаго организма: умъ, чувство и воля общества (идеалы) незамѣтно и таинственно, но дѣйствительно и дѣйственно передаются каждому отдѣльному лицу и одушевляютъ его. Религіозный подъемъ духа у одного молящагося въ Церкви таинственно внушается другому, отъ сего передается третьему, наконецъ всѣ охватываются однимъ восторгомъ, соединяются въ одно сердце, становятся одною душою, сливаются въ одни уста, имѣя одни мысли, одни чувства и одну волю. Такъ совершается таинственное общеніе вѣрующихъ между собою и со Христомъ, стройное сочетаніе всѣхъ отдѣльныхъ членовъ въ одинъ живой организмъ тѣла Христова, которое есть Церковь Его.

Такова по истинѣ великая тайна *соборности* Православія. Столь-же таинственно, но и столь же дѣйствительно, какъ въ Богослуженіи, эта сила проявляется и на соборахъ, выражая непогрѣшимое, самодостовѣрное и всегда съ собою тождественное самосознаніе Церкви Христовой. Ни одинъ отдѣльный членъ Церкви, взятый самъ по себѣ, не можетъ быть полнымъ и безусловнымъ выразителемъ общецерковнаго самосознанія. По свойству своей личности, онъ можетъ раскрывать и опредѣлять только тѣ или другія частныя стороны церковной истины, примѣняться къ потребностямъ своимъ собственнымъ, къ нуждамъ извѣстныхъ лицъ, къ вопросамъ времени, судить лично по себѣ и по ближнимъ или врагамъ своимъ и под. Поэтому только опредѣленія Вселенскихъ Соборовъ имѣютъ и могутъ и должны имѣть неограниченную истинность, всевременное и всечеловѣческое значеніе, полную непогрѣшимость и безусловную неизмѣнность. Никакими обходными средствами и отвлеченною исысканностію словъ нельзя устранить или замѣнить эту соборность Церкви, какъ никакими разсужденіями и никакою домашнею обстановкою невозможно

¹⁾ Изъ мірскихъ явленій укажемъ въ примѣръ на выраженные народными пословицами примѣры: „на міру и смерть красна“, и „одинъ въ полѣ не воинъ“. Примѣры и доказательства могутъ быть по произволу увеличены каждамъ, наблюдавшимъ подобныя проявленія силы общности или соборности.

замѣнить соборно-церковныхъ возгласовъ: „*Христосъ воскресъ*“ и „*воистину воскресъ*“. Тайна непогрѣщаемости Церкви совершается и дѣйствуетъ только въ дѣйствительномъ единеніи вѣрующихъ между собою и со Христомъ, и въ дѣйствительной, а не отвлеченной соборности членовъ царства Христова. Ни одинъ частный членъ Церкви, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на іерархической лѣстницѣ и какими бы не обладалъ дарами Святаго Духа не можетъ въ Православіи сказать, подобно палѣ, отъ своего лица, хотя бы и съ одобренія своихъ совѣтниковъ-кардиналовъ: „*изволися Святому Духу и мнѣ*“. Въ Церкви Соборной нѣтъ этого единичнаго „*мнѣ*“, а есть только соборное „*намъ*“. Даже Апостолы, единственные въ Церкви лица съ особыми полномочіями и дарами, въ дѣлахъ общецерковныхъ имѣли потребность самоудостоверенія посредствомъ именно *собори* апостоловъ и пресвитеровъ и единодушнѣйшей молитвы всѣхъ *вмѣстѣ*,—даже и Апостолы только *соборнѣ* выражали свои опредѣленія такъ: „*изволися Святому Духу и намъ*“ (Дѣян. 1, 13—26; 15, 6—28). Посему даже и самыя писанія Апостоловъ *суть въ Церкви Соборной*, переданы ей, извѣстны ей и признаются ею какъ богодухновенныя, отдѣлены отъ писаній ложныхъ, и вообще составляютъ необходимый моментъ соборнаго самосознанія Церкви Христовой.

Эта-то соборность Церкви, какъ тѣла Христова, и есть послѣднее, наивысшее и самоудостоверенное свидѣтельство и выраженіе непогрѣшимости церковнаго самосознанія. Собирая во едино всѣ отдѣльныя моменты своего самосознанія, Церковь при таинственномъ дѣйствіи соборнаго единенія отдѣльныхъ членовъ своихъ, со Христомъ и между собою, сознаетъ всегдашнее тожество своего самосознанія, находитъ въ нихъ себя всегда равною себѣ самой, созерцаетъ постоянную неизмѣнность своей вѣры. Знаетъ она, что въ ея жизни исторической не было ни единой минуты, когда бы признавалось за истину и правду что-либо такое, что потомъ оказалось ложью и неправдою,—когда бы она стала въ противорѣчіе съ собою. Это дѣйственно-живое и таинственно-соборное сознаніе Церковію непрестаннаго своего точества и служить самоудостоверѣннѣйшимъ выраженіемъ и свидѣтельствомъ всегдашней и

безусловной святости ея и непогрѣшимости. При всякомъ обвиненіи ея со стороны духа зла и при каждомъ нападеніи на нее врага Христова,—для нея самой довольно этого непосредственнаго самосознанія своей самодостовѣрности и самотвердости. Почему на все подобныя нападенія и возраженія она, въ таинственно-соборномъ единеніи своихъ членовъ подѣ главенствомъ Христа (Матт. 18, 20) и осѣненіемъ Святаго Духа, отвѣчаетъ безусловно и просто (т. е. постулятивно и аксіоматически) изреченною истиною въ видѣ властно-новелительнаго: „Изволися Святому Духу и намъ“,—что, въ сущности равнозначительно положенію: „знаю то, что знаю“. Да, въ частности знаетъ она и ощущаетъ непосредственно то, что Христосъ нашъ Спаситель есть Превѣчное Слово—Сынъ Божій, ставшій плотію и обитавшій среди людей, Коего славу какъ Единороднаго отъ Отца она видѣла (въ лицѣ апостоловъ) сама своимъ зрѣніемъ, осязала своимъ осязаніемъ и слышала своимъ слухомъ (Іоан. 1, 14 ср. 1 Іоан. 1, 1—3),—видѣла она совершавшіяся въ ней дѣла Господа и слышала слова Его,—знаетъ Его воскресеніе и сидѣніе одесную Отца,—вѣдомы ей, все въ ней же самой и для нея же самой составленныя, богодухновенныя писанія апостоловъ и учениковъ апостольскихъ, творенія святыхъ отцовъ и учителей,—вообще все, устно и письменно ей преподанное и ею свято хранимое, какъ правда Христова и истина Божія. Съ другой стороны, вѣдаетъ она и то, что не есть правда и истина,—что вышло отъ нея, но не было ея (Іоан. 2, 19), т. е. лжеученіе, ересь, лжеименное знаніе по стихіямъ міра, а не по Христу. Поэтому все софизмы мнимонаучныя, путаница и туманъ умозаключеній, неразбериха въ тонкомъ до неувидимости и неопредѣленности анализѣ дать—все это и подобное всегда оказывалось и оказывается немоцнымъ противъ непосредственнаго, живаго и соборнаго самосознанія Церковію правды и истины, своей самодостовѣрности и самоовлѣмости и непогрѣшимости.

Всякій же христіанинъ или община христіанская, какъ скоро отлучаются отъ общецерковной соборности въ отдѣльную и самовольную особу, хотя бы и безъ матѣйшихъ догматико-каноническихъ и обрядовыхъ разностей во время

самого отдѣленія, а по какимъ-либо совершенно постороннимъ побужденіямъ (напримѣръ по лично-эгоистическому капризу, по экономическо хозяйственнымъ удобствамъ, по политическимъ соображеніямъ, народно-стихийнымъ предрасположеніямъ и пр. и пр.),—уже не могутъ имѣть этой самодостовѣрности и непогрѣшимости именно потому, что не проникаются общесоборнымъ сознаніемъ Церкви и перестаютъ подлежать таинственному дѣйствию этой соборности Церкви Христовой. И это понятно. Отдѣлившись отъ живаго общенія съ Церковью, они безусловное и соборное сознаніе Церкви должны замѣнять единоличнымъ, частнымъ, слѣд. условнымъ авторитетомъ, ибо уже по самой природѣ своей сознаніе отдѣльнаго лица или частнаго общества никогда не можетъ извѣстную истину христіанскую опредѣлить такъ ясно, всесторонне и безусловно, какъ это свойственно живой цѣлокупности и могучему синтезу соборнаго сознанія или непогрѣшимаго и всецѣльнаго разума всего церковнаго организма, оживляемаго и возглавляемаго Христомъ и Святымъ Духомъ. Съ обособленіемъ общины или лица неизбежно возникаетъ для нихъ потребность въ самоудостовѣреніи, въ доказательствахъ, въ построеніяхъ. Непосредственно-живое самосознаніе Церкви Соборной замѣняется работами частныхъ лицъ, разноимѣніями, отвлеченными аргументами и схоластикой. На мѣсто самодостовѣрной, самодовлѣющей, ясной и безусловной вѣры становится лжеименное знаніе и искусственныя построенія, шаткія теоріи, спорныя положенія, идолы ума, сердца и воли. А какъ доказательства, имѣющія значеніе для одного времени и извѣстнаго круга лицъ, въ другую эпоху и для другихъ людей могутъ оказываться безсильными, а то и совсѣмъ ложными: то возникаютъ новыя построенія, которыя искусственно примиряются съ прежними, т. е. появляются софистика и схоластика. Цѣпляясь ограниченнымъ умомъ своимъ за ту или другую сторону истины общесоборнаго сознанія Церкви, каждое отдѣлившееся общество неизбежно идетъ путемъ одностороннимъ и къ ложнымъ выводамъ. Внѣцерковное своемудріе всегда породитъ еретическое своемудріе. Доказательства на лицо. Такую судьбу испытывали всѣхъ прежнія и испытываютъ всѣхъ современные общины, обособленныя отъ Церкви Соборной. Припомнимъ Римскую

Церковь въ 7—8 вѣкахъ, и сравнимъ ее съ теперешнею. Обособясь отъ общенія съ Соборною Церковію по эгоистическимъ побужденіямъ, Римъ тотъ часъ же почувствовалъ нѣкоторую неясность и пробѣлы въ своемъ самосознаніи. Непосредственно-соборное самосознаніе Церкви потребовалось замѣтить условными аргументами, оказалась нужда раскрыть для себя *raison d'être*, понадобились доказательства и, за немѣніемъ таковыхъ, даже лжедоказательства (напр. лже-исидоровскія декреталіи). Далѣе: возникаетъ и широкимъ потокомъ разливается схоластическое богословіе, отвлеченный аргументъ, мертвая формула. А наконецъ теперь: непогрѣшимость папы и непорочное зачатіе, какъ зрѣлыя и необходимыя плоды всей исторіи обособившагося отъ Церкви Соборной папизма. Прямымъ и естественнымъ порожденіемъ папизма былъ и протестантизмъ, который папистическіе аргументы и Римскую науку призналъ недостаточными и измыслилъ для себя свои особые резоны. А эти резоны потребовали удостовѣренія для всего устройства Церкви, для канона священнаго Писанія и Преданія, даже для каждаго слова, для каждой буквы Писанія и Преданія, такъ что Лютеръ и всѣ первые реформаторы навѣрно не узнали бы себя въ своихъ естественныхъ исчадіяхъ новѣйшаго либерализма, безъисповѣдничества (безвѣрія) и прямого отрицанія, — даже въ этихъ безконечныхъ спорахъ и часто перѣшительныхъ выводахъ касательно подлинности и достовѣрности Евангелія, какіе мы видимъ и въ самой церковно-ортодоксальной школѣ протестантской. Такъ обособившійся отъ церковно-соборнаго самосознанія частный разумъ переродилъ христіанство въ антихристіанство современнаго отрицанія, невѣрія и безразличія (индифферентизма) вѣры. Не обременяясь примѣрами скажемъ вообще, что ни одна секта, ни одно еретическое или раскольническое общество не миновали сего неизбѣжнаго закона еретическаго свосмудрія. Начиная неважными и едва примѣтными различіями, каждая обособившаяся община кончала всегда ересью и ложью, ибо все особно-ограниченное, повторимъ, ложь есть, — и только вся цѣлокупность Церкви Соборной, возглавляемой и оживляемой Христомъ и Духомъ, имѣетъ въ себѣ самой непосредственное и самодовлѣющее удостовѣреніе и сознаніе своей

истинности и непогрѣшимости. Одна только Соборно-Православная Церковь оставалась, останется и на всегда останется вѣрною хранительницею апостольскаго и отеческаго преданія, тождественною себѣ самой и непосредственно самоудостоверенною въ томъ, что она соборна, безусловна, истинна, есть живое тѣло живаго Христа и осѣнена Духомъ Святымъ, представляетъ живую цѣлокупность (*καθ' ὅλον, καθολική*) и соборность христіанскаго вѣро—и самосознанія. Напротивъ все, что внѣ православія, есть особность (*καθ' αἰρεσιν, ἰσρητική*), слѣдов. условно, погрѣσιμο и, въ концѣ концовъ, переходитъ въ антихристіанство Страуссовъ и Ренановъ.

Все вышесказанное даетъ намъ возможность утвердить высокое и *истинно научное* значеніе Преданія Православно-Соборной Церкви. Положеніе Ренана: *подлинность не доказываетъ достоверности и наоборотъ—неподлинность не есть твердое ручительство недостоверности*—имѣетъ для западнаго богословія роковое значеніе; ибо если протестантизмъ допускаетъ скепсисъ въ отношеніи церковнаго преданія, а папизмъ санкціонируетъ преданіе Соборной Церкви и восполняетъ и толкуетъ и опредѣляетъ оное чрезъ непогрѣшимое сознаніе папы, то богословская наука западная не имѣетъ никакихъ безусловныхъ правъ вѣрить даже и подлинному Писанію. Западное богословіе не имѣетъ и имѣть не можетъ никакого объективнаго выхода изъ этого безконечнаго субъективизма и скептицизма. Напротивъ, для православной науки положеніе Ренана не можетъ имѣть никакого значенія, ибо она чрезъ соборно-живое сознаніе Церкви непосредственно самоудостоверена въ томъ, что Писаніе содержитъ преданную Церкви и въ ней бывшую и сущую и во вѣки будущую истину, хранимую ею и сознаваемую соборнѣ, непосредственно, непрестанно и дѣйственно подъ оживотвореніемъ Главы Своей—Христа и осѣненіемъ Духа истины. Посему на вопросъ: что ручается за подлинность и достоверность Евангелія?—Православная наука отвѣчаетъ: непосредственно-живое и непрестанно-дѣйственное самосознаніе Православно-Соборной Церкви, что Евангеліе написали извѣстные ей лица, что они описали дѣйствительно бывшее въ ней и всегда хранимое ею, что именно въ силу этого-то сознанія она и

отвергла одни писанія, какъ не содержащія ей преданную истину (апокрифы и еретическія редакціи),—а другія она освятила и утвердила, какъ подлинно-достоувѣрныя и содержащія правду Христову или какъ каноническія писанія.

Отсюда для *научнаго* самоудостоувѣренія и для самозащиты Церкви православная наука должна выполнить только слѣдующія два условія: первое—раскрыть бездоказательность отрицательнаго свое и суетнаго и безсиліе вражескихъ нападеній на твердыни Церкви; второе—доказать, что извѣстная, подвергающаяся вражескимъ нападеніямъ, истина всегда составляла и представляетъ *необходимое* содержаніе соборнаго сознанія Церкви. Первое составляетъ отрицательную задачу православной науки, ибо безсиліе нападающаго служитъ вѣрнымъ знакомъ мощи защищающагося. Второе служитъ положительною задачею науки, доказывая, что Церковь, избѣгающая Христа своимъ краеугольнымъ камнемъ и Имъ возглавляемая и охраняемая, есть такая твердыня, которую никогда не одолѣютъ силы ада.

Впрочемъ, и безъ нарочитыхъ доказательствъ, многовѣковой историческій опытъ уже доказалъ непоколебимую твердость Церкви и безсиліе всѣхъ враговъ ея. Вѣковыя нападенія всевозможныхъ враговъ и со всѣхъ сторонъ не поколебали ни единого камня въ соборномъ вѣросознаніи Церкви. Напротивъ того: какъ градъ Бога Живаго, она постоянно расширяется все болѣе и болѣе и возрастаетъ въ стройное зданіе Святаго Храма въ Господѣ, до исполненія всею полнотою Божіею, доколѣ созиданіе тѣла Христова приведетъ всѣхъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго и въ мѣру возраста полноты Христовой. А нападающіе открыто, злобствующіе тайно и просто не знающіе истины Христовой—гдѣ они? По истинѣ это—безводныя облака и мглы, гонимая бурей и носимая вѣтромъ, —звѣзды блуждающія, —свирѣпыя морскія волны пѣнящіяся:—произнося надутое пустословіе, они только уловляютъ тѣхъ, кои едва отстали отъ вращающихся въ заблужденіи. Они постоянно появляются и исчезаютъ, какъ дождевые пузыри, не оставляя послѣ себя никакого вреда для Церкви.

Обращаясь затѣмъ къ краткому раскрытію той истины, что подлинность и достовѣрность Евангелія всегда были содержимы соборнымъ сознаніемъ Церкви, какъ истины непререкаемыя, мы должны сдѣлать два предварительныя замѣчанія.

Первое. Чѣмъ ближе къ какой-либо исторической эпохѣ поколѣніе, тѣмъ оно сравнительно меньше отвлеченно-научнаго и историко-археологическаго интереса питаеть къ ней; напротивъ, наибольшая отдаленность поколѣнія отъ событія возбуждаетъ и больше любознѣтства отвлеченно-научнаго. Христіанская письменность широко развилась собственно уже спустя около столѣтія послѣ Евангельскихъ событій. Съ половины 2-го столѣтія и особенно къ началу и половинѣ 3-го мы встрѣчаемъ уже рядъ парочитыхъ свидѣтельствъ и изысканій касательно Евангелія (Паній, Іустинъ, Иринеи, Климентъ Ал., Тертуліанъ, Оригенъ). Мы не должны поэтому смущаться сравнительною скудностію первохристіанскихъ свидѣтельствъ, на что такъ побѣдоносно указываютъ новѣйшіе враги христіанства, а въ рядахъ ихъ и Ренанъ. Ровно ничего не говоря какъ противъ Церкви, такъ *и въ пользу враговъ*, и какъ явленіе безразличное для безпристрастной науки, — оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что устное Евангельское преданіе сначала было всеохватывавшимъ Церковь потокомъ и, какъ непосредственно живая для каждого вѣрующаго сила, не возбуждала отвлеченныхъ интересовъ, каковыя возникли потомъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ искаженія истины, ересей и враждебныхъ нападеній на Церковь. (Первый едва ли не Паній Иерон. сталъ собирать и записывать эти преданія и интересоваться отвлеченными вопросами о писателяхъ Евангелія, о жизни апостоловъ и пр.). Но и не смотря на сравнительную немногочисленность свою, эти свидѣтельства, какъ увидимъ, содержатъ однакоже непререкаемыя удостовѣренія истины Евангельской, что, поэтому, тѣмъ болѣе цѣнно и тѣмъ большую силу должно имѣть въ научномъ отношеніи.

Второе. Удовлетворяя современнымъ потребностямъ вѣры и благочестія, первенствующая Церковь, конечно, не имѣла прямо въ виду всѣхъ тѣхъ, болѣею частію, вздорныхъ вопросовъ и придирокъ, какіе спустя 18-19 столѣ-

тѣмъ вздумалось предъявить господамъ Ренанамъ, Гольтцманамъ и Гарнакамъ. Непрестанно возглавляемая Христомъ и осѣняемая Духомъ, Церковь постоянно имѣла увѣренность въ томъ, что своевременно въ ней всегда найдутся достаточныя силы для отраженія всякихъ Ренановъ и Гарнаковъ, для ниспроверженія всякаго превозношенія и для изобличенія всякаго суемудрія. (Ср. Матт. 10, 19—20; Марк. 13, 11; Лук. 11—12.). Вотъ почему о древнехристианскихъ свидѣтельствахъ мы должны судить примѣнительно къ условіямъ того времени, а не по капризу и вздорнымъ придиркамъ какого-либо современнаго нѣмецкаго или французскаго врага Христова. Если, поэтому, Климентъ Римскій, Игнатій, Пашій и др. даютъ намъ нѣкоторыя указанія касательно соборнаго вѣросознанія тогдашней Церкви, то мы не можемъ и не должны, съ научно-безпристрастной точки зрѣнія, требовать отъ этихъ указаній, чтобы они говорили намъ такъ и о томъ, какъ и о чемъ разговариваютъ нынѣ разные вопрошатели вѣка сего. Мы должны брать, по возможности, все условія, при какихъ составляли свои творенія древне-церковныя писатели, какъ единичные только члены соборной жизни Церкви и какъ частные только выразители соборнаго самосознанія. А однимъ изъ такихъ условій,—надо это всегда имѣть въ виду,—было; глубина, живость и дѣйственность вѣры и непосредственно-близкое знаніе Евангелія.

Не вдаваясь въ подробное перечисленіе и частный анализъ всѣхъ свидѣтельствъ, — что составляетъ содержаніе цѣлой и обширной науки (исагогика) и что каждый желающій долженъ искать въ общихъ учебныхъ руководствахъ и въ особыхъ изслѣдованіяхъ по сей наукѣ,—мы, выполняя положительную задачу нашей работы въ отношеніи лишь Ренановой Жизни Иисуса, считаемъ вполне достаточнымъ привести только главнѣйшія свидѣтельства: во первыхъ—подлинности и во вторыхъ—достоувѣрности Евангелія.

(О чемъ и послѣдуетъ рѣчь).

М. Муретовъ.
